

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОРИНСКОЙ ГРУППЫ НАНАЙЦЕВ

Ольга Владимировна ПЕРЕВЕРЗЕВА,
аспирантка Института истории ДВО РАН

Горинские нанайцы составляют особую страницу в истории изучения нижнеамурских этносов. Вплоть до начала XX в. их отождествляли с самагирами, имеющими тунгусское происхождение. Ареал этнической группы охватывал долины рек Горина, Девятки и оз. Эворон, простирался к северо-востоку к руслу Амура, а на северо-востоке граничил с землями негидальцев.

В.К. Арсеньев указывал, что первые сведения о самагирах (шамаграх) мы встречаем в отписках казаков XVII в. (ХКА, ф.791, оп. 2, д. 3, с. 150—159; Путьинцева, 1965).

В конце XIX в. В.И. Цинциус сделал статистический обзор земель, занятых таежными кочевниками, его данные легли в материалы переписи племенного состава Сибири 1897 г. С. Патканова.

В конце XIX и начале XX в. в научной этнографической среде был популярен термин «гаринский этнос», который исследователи чаще соотносили с самагирской группой на р. Горине. В 1926—1927 гг. материальную и духовную культуру «гаринского этноса» изучала экспедиция И.И. Каргера и Н.Г. Козьминского. Исследователи отмечали, что появление их экспедиции на Горине было встречено недоброжелательно. Но тем не менее им удалось собрать коллекцию из 500 номеров и сделать 130 фотографий. (Архив МаиЭ, к-1, оп. 2. № 110).

Статистические данные XIX в., позже обработанные Ю.А. Семом, отмечают в районе р. Горина высокую плотность населения. От Хабаровки до Анюя (участок ближе к Среднему Амуру) в стойбищах проживали 883 чел. На расстоянии 163 км по Амуру от оз. Болонь до устья Горина имелось 33 стойбища с населением 1 775 чел., т.е. в два раза больше, чем на Среднем Амуре. От оз. Болонь до устья Горина на 1 кв. км приходилось 10,9 чел.; тогда как от Хабаровки до устья Анюя — 5,4 чел. на 1 кв. км (Сем, 1959, с. 222—227).

Численность населенных пунктов по р. Горину основана на результатах переписи населения 1897 и 1926 гг., а также сведений В.И. Цинциуса по Нижне-Тамбовской волости за 1—20 июня 1915 г.

На 1897 г., по данным Патканова, в Кукулеки, Хыинде, Ямектанке, Цонгинке было по две юрты, в Кондонке — шесть, Серохянке и Цоргинке — по пять, Хурадяке — две юрты, Хероке — одна (Патканов С., 1906, с. 149—154).

По данным Цинциуса в 1915 г., в Ямихте было семь фанз численностью 51 чел., Кондонке — двенадцать фанз (13 чел.), Хоенде (Хыинда) — пять фанз (39 чел.), в Бичи — шесть (32 чел.), в Сарахинде (Серохянка) пять фанз (37 чел.).

Данные Каргера 1926 г. говорят об изменении численности жителей сел. Количественный состав с. Хындине незначительно изменился (в 1915 г. было 39 чел., в 1926 г. — 38 чел.). Население Ямихты выросло до 56 чел. Убавилась численность с. Кондона до 97 чел.

Сопоставление статистических данных по селам (в соотношении количества домов и людей) позволяет установить факт наличия больших семей в каждом из населенных пунктов по р. Горину.

В 1915 г. в с. Кондоне в среднем в каждой фанзе проживали по девять чел., в с. Хындине — по семь чел., в с. Бичи — по пять чел. Численный перевес проживавших в одном доме мог произойти и за счет вновь прибывших, объединения моногамных семей или неотделившихся от родителей детей с их семьями (большая семья).

Следует обратить внимание на тот факт, что таежные кочевники-самагиры, мигрировав в этот район в XVII в., разграничивали свое пространство с местными нанайцами. К примеру, С. Патканов отмечал, что на Горине между землями самагиров и гольдов (между самагирским селением Нгагой и гольдским Бичу) «лежала пустая полоса в 120—130 вёрст, где лишь зимой, и то временно, проживали в зимовых самагирские и гольдские охотники». (Патканов С., 1906, с. 149—154). Но в конце XIX и начале XX в. «полоса отчуждения» между оседлыми нанайцами-рыболовами и кочевниками-самагирами постепенно стиралась. Разграничительная линия между двумя этносами — представителями кочевой таёжной культуры и осёдлой рыболовецкой в географическом и социальном плане — постепенно стала исчезать с установлением права заключения брачных союзов между двумя группами с той и другой стороны. По результатам исследования Н.Г. Каргера, термин «самагиры» трудно было применить ко всему населению р. Горина. Он был слишком узок, так как в долине Горина проживали роды, не считавшие себя самагирами, и в то же время — широк, так как в категорию самагиров входили многочисленные представители родов, расселенных по Амуру на территории нанайцев и ульчей (Каргер Н.Г., 1929, с.22).

Помимо самагиров на Горине проживали роды Дигор, Тумали, Джаксор (Заксор), Аймука, Альчека. Их можно считать новообразованиями из разрозненных этнических элементов, не переросших в устойчивое этническое образование, а также этническими группами как результат древних контактов. Позже самагиры были переименованы в нанайский род Самар. А.В. Смоляк выделила несколько ветвей Самаров по их происхождению. Первая ветвь поднялась с Амгуни по Амуру; вторая спустилась с Амгуни до Амурского лимана; третья пришла с Буреи, откуда попала на Амгунь, с Амгуни — на Горин; четвертая — это местное население, поглощенное пришельцами.

Длительное время Самары различались на кондонских и ямихтинских. Первоначально эти группы не смешивались, жили отдельно. И только по обычаю доха, совершив обмен нефритового топора (у некоторых — железный) на вдову, слились в один род (Смоляк А.В., 1975, с. 124—125). Причем у каждой группы Самаров своя версия. Кондонские уверяют, что инициаторами были они: топор принесли они, и это позволило ямихтинским Самарам вступить в свой род. Ямихтинские были уверены в обратном — что они прежде были обладателями топора и позволили кондонским войти к ним (ПМА, Самар Р.А., Самар Л.Ф., Самар С.Д. 1998).

В настоящее время местное население с. Кондона связывает свое родство с Самарами — выходцами с р. Кура. Первые Самары принимали всех пришедших с условием, что они войдут в их род. Вхождения способствовали упрочению статуса рода и делали родовое сообщество разветвленным. Каждая ветвь хорошо помнила свое происхождение и отличалась от другой особенностями говора.

По материалам исследователей 30-х годов XX в., в культуре «гаринского этноса» самагиров проявлялся тунгусский пласт — в форме летних домов, религиозных представлениях, разделах лексики, связанных с охотой (Козьминский И.И., 1929, с. 25—48, Каргер Н.Г., 1929, с. 3—24).

Исследования позднего времени дополнили в деталях картину жизни горинских нанайцев. По результатам раскопок А.П. Окладникова кондонская культура, входящая в ареал горинских нанайцев, уже была неоднородной приблизительно пять тыс. лет назад: отмечается смешение культур, присущих восточносибирскому и амурскому типам традиций. Прямые потомки древних поселенцев растворились в пришлой массе тунгусо-маньчжурских народов. Одни из них являлись предками современных нанайцев (Окладников А.П., 1983).

Такая этническая неоднородность проявилась и на рубеже XIX—XX вв. А.В. Смоляк заключает, что в сообщество горинских нанайцев входили эвенки, негидальцы, отдельные случайно заходившие с Амура элементы. Пестрота этнического состава послужила основой для бытовавших в их среде различных форм ритуалов и моделей мира. На основе анализа информации кэвурских Самаров, исследований Н.Г. Каргера, И.И. Козьминского, Е.Д. Шнейдера можно сделать вывод о «многослойности» картины мира и ритуального комплекса горинских нанайцев. В их духовной культуре уживались архаические и позднего времени пласты, привнесенные из других географических районов. Возможно, с новым потоком переселенцев происходило и восполнение образа мира новыми чертами. Е.Д. Шнейдер и К.Г. Каргер указывали на ритуальную атрибуцию коренного населения долины Горина — оно могло использовать иконы, связанные с даосским культом, в жертву приносило свиней; использовало ритуальные столбы для моления небу.

В 30-е годы XX в. горинская территория как зона компактно проживавшего населения не представляла этническую целостность по языку, хозяйству и культуре. Хотя обособленное проживание горинских нанайцев сделало их заметно отличающимися от амурских нанайцев. Это проявилось в духовной и материальной культуре, в хозяйстве (в особенностях украшения халатов, в погребальных и поминальных обрядах, промысле).

В горинской культуре присутствовали три компонента — тунгусский, гольдский (нанайский), маньчжурский. В настоящее время сложно восстановить ситуацию даже столетней давности, так органически переплетались и дополняли друг друга эти три элемента. Но, по наблюдениям этнографов прошлого века, мы вправе рассматривать горинцев как самодостаточный организм, в функционировании которого угадываются «местностные» принципы, заложенные в давнее время в социальной, материальной, духовной сферах, а также в природопользовании.

Сегодня кондонские Самары остаются единственными хранителями местных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев В.К. Естественно-исторический очерк Дальнего Востока (рукопись). ХКА. Ф. 791, оп. 2, д. 3, с. 150—159.
2. Каргер Н.Г. Отчет об исследовании материальной культуры и верований гаринских гольдов // Гарино-Амгунская экспедиция 1926 г. Л.: б.и., 1929. С. 25—48.
3. Козьминский И.И. Отчет об исследовании материальной культуры и верований гаринских гольдов // Гарино-Амгунская экспедиция 1926 г. — Л.: б.и., 1929. с. 25—48.
4. Окладников А.П. Древнее поселение Кондон. Новосибирск: Наука, 1983. 160 с.
5. Патканов С. Племенной состав населения Сибири. СПб.: б.и., 1912. 432 с.
6. Самагиры // Патканов география и статистика тунгусских племен Сибири. СПб: б.и., 1906. С. 149—154.
7. Путинцева Н.П. О преданиях горинских нанай // Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1965. С. 170—190.

8. Сем Ю.А. Основные изменения в расселении нанайцев конца 50—60-годов XIX столетия и их причины / Труды, сер. ист.Т. 1. Сиб. отд. Дальневост. филиала им. В.А. Комарова. Саранск, 1959. С. 222—227.
9. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1975. 232 с.
10. Описание фотографий Е.Д. Нейдера. 1927, фототека РМЭ, № 4200.
11. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб.: Изд-во АН. 1899. Т. 2; 1903. Т. 3 (этногр. часть).

ПРИМЕЧАНИЯ

МАиЭ — Музей антропологии и этнографии, г. Санкт-Петербург

ХКА — Хабаровский краевой архив

ПМА — Полевые материалы автора

РМЭ — Российский музей этнографии

SUMMARY: A post-graduate of the Institute of History Olga Pereverzeva in her article “The Basic Characteristics of Gorin Group of the Nanaians”, basing on observations of ethnographers of the last century, shows Gorin residents as a self-sufficient mechanism that while functioning gives evidence of “local” principles being characteristic of old time in social, material, spiritual and to the other spheres.